
Научная статья

УДК 331.108

doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183

К управленческому дискурсу «человеческого капитала»

Маргарита Павловна Арутюнян

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

mpa@email.su

Аннотация. Понятие «человеческий капитал» широко используется современной наукой и практикой при обсуждении как общих стратегических задач трансформации индустриальной цивилизации на пути становления постиндустриального, информационного социума, так и практических ориентиров роста постиндустриальной экономики, актуальных социальных преобразований и соответствующих этим общим задачам систем управления социумом. Широкий межпредметный управленческий дискурс человеческого капитала касается всех этих направлений. Особое внимание в нем отводится вопросам индекса развития человеческого капитала и индикаторам качества жизни. Вместе с тем возникает множество проблемных ситуаций, связанных с практическим функционированием понятия «человеческий капитал» и неясностями в попытках его рефлексии. Соответственно, не менее актуальной автору статьи представляется философско-методологическая рефлексия понятия «человеческий капитал». В контекстах диалектики исторического и логического, традиции и новации, логики «транзитивного» перехода, трансдисциплинарного подхода, философско-лингвистического анализа и др. автор включается в сложившийся межпредметный дискурс человеческого капитала и делает акцент на прояснении сущностных смыслов лингвистического конструкта «человеческий капитал». Анализ логики его исторического становления и соотносимости с закрепившимися в научном тезаурусе понятиями «человек», «целостность человека», «человеческий потенциал», «трудовой ресурс», и др. позволяет поставить вопросы уточнения научного статуса и предметных границ данного понятия (таковой представляется сфера экономики). При выходе за пределы сферы экономики понятие «человеческий капитал», по мнению автора, обретает статус метафоры, либо оксюморона. Об этом свидетельствуют как позиции дискурса, так и экзистенциальные риски его научного использования в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: дискурс, человеческий капитал, человеческий потенциал, «капитализация человеческого потенциала», цивилизационный «переход», логика технократизма, «сущее» человека, экзистенциальная целостность

Благодарность: исследование проведено по итогам работы регионального экспертного круглого стола, состоявшегося 2 июня 2022 года в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС по теме: «Человеческий капитал: проблемы инвестиций в развитие»

Для цитирования: Арутюнян М. П. К управленческому дискурсу «человеческого капитала» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 171–183. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183>

Managerial discourse of «human capital»

Margarita P. Arutyunian

The Pacific National University, Khabarovsk, Russia
mpa@email.su

Abstract. *Modern science and practice widely uses the concept of «human capital» when discussing both the general strategic tasks of transforming an industrial civilization on the way to the formation of a post-industrial, information society, and practical guidelines for the growth of a post-industrial economy, current social transformations and social management systems, corresponding to these general tasks. A broad interdisciplinary managerial discourse of human capital concerns all these areas. The issues of the human capital development index and quality of life indicators are paid special attention to. At the same time, practical functioning of the concept “human capital” and ambiguities in attempts to reflect it cause many problematic situations. Accordingly, the author of the article considers the philosophical and methodological reflection of the «human capital» concept no less relevant. In the context of dialectic of the historical and logical, tradition and innovation, the logic of «transitive» transition, transdisciplinary approach, philosophical and linguistic analysis, etc., the author joins the established interdisciplinary discourse of human capital and stresses the importance of clarifying the essential meanings of the linguistic construct «human capital». Analysis of logic of its historical formation and correlation with the concepts of “man”, “human integrity”, “human potential”, “labor resource”, etc., fixed in the scientific thesaurus, allow us raise questions of clarifying the scientific status and subject boundaries of this concept, which is the sphere of economy. According to the author when the concept of «human capital» is beyond its limits, it acquires the status of a metaphor or an oxymoron. This is evidenced by both the discourse positions and the existential risks of its scientific use in humanitarian sphere.*

Keywords: *discourse, human capital, human potential, “human potential capitalization”, civilizational “transition”, logic of technocracy, “existence” of man, existential integrity*

Acknowledgments: *the study was conducted following the results of the regional expert round table work on the topic: “Human capital: development investment problems”, which took place on June 2, 2022 at the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*

For citation: Arutyunian M. P. Managerial discourse of «human capital» // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 171–183. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183>

Введение

Понятие «человеческий капитал» прочно вошло в современный научный тезаурус и речевые практики сферы повседневности; широко используется в управленческой деятельности и различных предметных областях познания. Появившись изначально в сфере экономики и став за свою более чем шестидесятилетнюю историю одним из базовых концептов её модернизации, сегодня данное понятие обретает междисциплинарное значение, претендуя на общенаучный статус. Наряду с экономикой к феномену «человеческого капи-

тала» обращаются, давая ему ту или иную рефлексивную оценку, представители социологии, политологии, философии, психологии, менеджмента, сфер образования, экологии, здравоохранения и др. В разных предметных областях происходит не только использование, но и рефлексивная оценка понятия, прояснение возможных форм проявлений феномена человеческого капитала и особенностей его практического функционирования. При этом особое внимание отводится вопросам индекса развития человеческого капитала и индикаторам качества жизни.

Вместе с тем исследователями отмечается сложный характер феномена и недостаточная проясненность научных смысловых значений его понятия, отмечаются и методологические затруднения в складывающихся практиках его рефлексии. Все это отражается в основных направлениях дискурса человеческого капитала.

Методологические позиции исследования

Дискурс человеческого капитала проходит, как правило, в общей логике обсуждения ключевых проблем современной цивилизационной модернизации, выработки социальных стратегий, тактических ориентиров становления постиндустриальной экономики и соответствующих этим общим задачам систем управления социумом. Ментальный знак «человеческий капитал» сумел завоевать заметный статус в общественном сознании, а факторы эффективности инвестиций в его преумножение, рост и развитие – роль значимых векторов оценки результативности самих цивилизационных трансформаций. Вместе с тем возникающие в практике использования и функционирования данного понятия проблемные ситуации и сложные вопросы его межпредметного дискурса побуждают исследователя к выбору «надпредметной» обобщенной аналитики – рефлексивного взгляда, погружающего исследование феномена «человеческий капитал» в контексты трансдисциплинарного подхода и потенциала философской методологии познания. В таком сочетании, на мой взгляд, оказывается возможным, прежде всего, углубленное понимание сущности феномена «человеческий капитал», а также прояснение его ведущей практико-ориентированной – управленческой функции в сложных условиях многомерной цивилизационной модернизации.

Важной позицией в данных методологических контекстах представляется определение «начала», или проблемной ситуации, задающей исходную точку аналитики. Таковой в отношении понятия «человеческий капитал» является объективная историческая ситуация «перехода» – коренного перелома в эволюции индустриального общества на пути к новой цивилизационной ступени развития. В переходе с необходимостью преодолеваются состояния «цивилизационных разрывов», и встреча с «новым» сопровождается сопутствующими переходным состоянием вызовами социума транзитивности¹. Учитывая тот факт, что транзитивное состояние саморазвития с такой же необходимостью порождает возможное присутствие «следов» старого в обновляющихся процессах саморазвития социума и преодолеваемых им парадигм мышления, можно предположить наличие подобных следов в понимании и интерпретациях феномена «человеческий капитал».

Контексты становления идеи «человеческого капитала»

Изначально практико-ориентированная, идея «человеческого капитала» (как и «родственный» ей концепт «человеческих ресурсов») была нацелена на *улучшение функционирования сложных цивилизационных систем* индустриального общества (производственных, социальных, технических, коммерческих и т. п.) и на *улучшение их управляемости* путем использования особенных, *специфических качеств человека*. При этом сам человек оценивается данной концепцией, как отмечает Б. Г. Юдин, не просто как «один из функциональных элементов, но как такое начало, которое никак не может быть жестко встроено в эти системы, то есть редуцировано к чистой функциональности»² (выделено

¹ Общество транзитивности характеризует переходными состояниями со свойственной им «синергичной» атрибутикой – свойствами неустойчивости, кризисности явлений; неравномерности социальных процессов; экзистенциальными разрывами; трансформациями массового сознания и мира ценностей; размытостью норм и установок; расширением информационных полей, пространств межличностного общения и т. д. И вместе с тем – формированием «нового мышления, «новой морали», обновляющихся тенденций стабилизации социального саморазвития.

² Юдин Б. Г. Человеческий потенциал // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, АН. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 1159–1160.

мной – М. А.). Позиции преодоления подобных редуций, как мы увидим далее, во многом сопровождают проблематику человеческого капитала и направляемые ее решением основные линии методологического дискурса.

Обсуждая вопросы генезиса понятия «человеческий капитал», трансформации его смысловых значений и аналитики, соотносимых с историческими контекстами выработки общих стратегий мирового развития, нельзя обойти деятельность Римского клуба. В своей работе «The Human Quality» («Человеческие качества») его основатель и первый президент А. Печчеи задает исходные ориентиры этой деятельности и, обсуждая пути саморазвития техногенной цивилизации, ставит ключевые задачи определения дальнейшей судьбы человечества. При этом он делает особый акцент на необходимости трансформации цивилизационных стратегий от доминантных приоритетов материальных ценностей в пользу ценностей самого человека, изменения его «внутренней сущности». Именно в усовершенствовании человеческих качеств, привычек, нравов и поведения мыслитель видит важные пути преодоления цивилизационных кризисов техногенного мира. Внутренние человеческие качества стратег называет «самым важным ресурсом человечества», сравнимым разве что с «энергией Солнца», и формулирует цивилизационную идею принципов «нового гуманизма» с общечеловеческими ценностями в его основаниях [Печчеи, 1980]. Что же представляет собой «сущее» человека? В какой мере самосохранение внутренних человеческих качеств может быть соразмерным трансформации цивилизационных стратегий? Возможно ли, и в какой мере возможно, удержание «внутренне сущего», гуманистического по-

тенциала целостности человека в его системной соотносимой связи с феноменом «капитал»?³

Метафоры образа техногенной цивилизации. Для техногенной цивилизации (исторически сменившей достаточно консервативный культурно-исторический тип традиционного общества) характерен, как известно, технико-технологический динамизм саморазвития. Он ориентирован на научный разум и приоритетную ценность науки; на практическое освоение действительности и логику прогресса с его целеустремленной направленностью от прошлого к будущему; на перманентное воспроизводство новых технологий как в экономике, так и в сферах социального управления, социальных коммуникаций. *Метафора «власти над объектами»*, природными и социальными, с целью господства над ними отличает данный тип цивилизации и во многом объясняет (наряду с другими порожденными ею ценностями) механизмы *технологического манипулирования* в особенностях ценностного мира техногенной культуры. Данные механизмы, характеризующие своеобразие «культурно-генетического кода техногенной цивилизации», становятся ключом и к пониманию свойственных ей закономерностей глобализации, тотального характера её множественных рисков и глобальных кризисов. Также они становятся основанием для поиска альтернативных, свободных от техногенных практик «власти над объектом» и «технологического манипулирования», «антропомерных» цивилизационных путей развития.

Постиндустриальная модель общества, как «один из возможных сценариев будущего», переходного этапа к новому типу цивилизационного раз-

³ Действительно, «человеческое начало» в любой системной организации не может быть редуцировано к чистой функциональности без рисков утраты самой целостности «человек». Человек как онтологическая целостность «телесного», «социального» и «душевно-духовного» – особенное качество бытия. И сама эта целостность с необходимостью задает «системе, включающей человека» особенные меры и формы системообразования, организационные принципы, свойства и качества функционирования и саморазвития. В ней с необходимостью проявляются: сложный характер, открытость, нелинейность, бифуркационные процессы, способность к саморегуляции, самоорганизации и другие «синергийные» системные качества.

вития, ориентируется, как известно, на *потенциал информационных, творческих возможностей человека*. В. С. Степин характеризует такой переход цивилизационной установкой на доминирование «нематериалистических ценностей», «сдвигом от экспоненциально растущего вещно-энергетического потребления к информационному» [Степин, 2003. С. 1144–1146]. Подобный тип общества призван качественно изменить и характер труда человека, его содержание, сферу ресурсов, экономику в целом и, что принципиально важно, призван изменить *цивилизационный статус самого человека* сообразно «существенно персональной модернизации», сопряженной, как отмечается в исследованиях, «человеческому измерению всемирного модернизационного процесса» [Веряскина, 2012. С. 7]. Вопросы здоровья и качества жизни, экзистенциалы счастья и творческого саморазвития человека в разных жизненных сферах декларируются значимыми ценностными ориентирами в «сборке» моделей будущего постиндустриальной цивилизации. В контекстах аналитики концептуальной, дисциплинарной и практической логики рефлексии они широко представлены в аргументативных полях дискурса человеческого капитала [Антоненко, Антонов, 2016; Веряскина, 2012; Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020; Каравай, 2021; Латов, Тихонова, 2021; Нуреев, 2009; Чернов, Чернова, 2016]. Вместе с тем эта концептуально заявленная и управленчески заданная гуманистическая стратегия общих установок цивилизационных модификаций в действительности стала сложно реализуемой практической задачей. Логика технократизма прозрачно и узнаваемо проявилась и в дискурсе человеческого капитала.

Управленческие акценты актуально-го дискурса человеческого капитала

Линия технократизма. Достаточно убедительно, в разных контекстах на доминанту экономической интерпретации человеческого капитала обращают внимание многие исследователи. При этом чаще всего и наиболее обстоятельно

анализируется наиболее распространенный концепт его ресурсной трактовки, когда человек в связке с понятием «капитал» оценивается сферой управления, прежде всего, в качестве важнейшего цивилизационного производственного ресурса. Связывая функционирование понятия «человеческий капитал» со становлением парадигмы «постиндустриального общества» Ю. В. Латов и Н. Е. Тихонова, к примеру, характеризуют образ «нового социального субъекта» – «протокласса профессионалов или специалистов высокой квалификации». На экономической арене, пишут авторы, он отличается особенностью получения дохода – «человеческого капитала, т. е. знаний, навыков и компетенций» [Латов, Тихонова, 2021. С. 6]. Концепт человеческого капитала в данном случае связывается «с комплексным пониманием воплощенных (инкорпорированных) в человеке ресурсов», полученных в процессе социальной жизни и экономически значимых, в плане повышения результативности труда – значимых как для самого человека, так и для общества в целом [Латов, Тихонова, 2021. С. 6]. Обсуждая вопрос о готовности России к «транзиту в будущее постиндустриальное общество», авторы констатируют парадоксальное противоречие – имеющийся разрыв между популярностью в России постиндустриального дискурса, с одной стороны, и слабостью изучения человеческого капитала – социальных групп, или «протокласса интеллектуалов», – с другой. Хотя с ростом значимости именно данных групп, полагают авторы, связывается формирование постиндустриального общества [Латов, Тихонова, 2021. С. 6].

Экономический спрос на человеческий капитал как квалифицированный труд отмечают и другие исследователи и, ставя новые проблемные вопросы, вводят в управленческий аргументативный дискурс контексты институциональной интерпретации. В. Е. Гимпельсон, к примеру, констатирует зависимость процветания любого общества от двух основных факторов – «накопленного человеческого капитала» и «качества

действующих институтов». Обращаясь при этом и к проблемам роста человеческого капитала в современной России⁴, он рассматривает эти проблемы через призму имеющих ограничений институционального, управленческого характера. Апеллируя к социальной сфере, автор обращает внимание на необходимость осознания того факта, что «в неблагоприятной институциональной среде человеческий капитал не накапливается, а деградирует и растворяется», а также на бесплодность «восприятия его (человеческого капитала – М. А.) в качестве новой мантры, очередного «спасительного чуда» российской экономики». Приведенные исследователем критические аргументы дискурса завершаются постановкой общего проблемного вопроса: Нужен ли российской экономике человеческий капитал? [Гимпельсон, 2016. С. 129–143].

Анализируя сложившиеся позиции межпредметного дискурса человеческого капитала, Г. Е. Чернов и Е. В. Чернова отмечают ограниченность и проблематичность сложившейся в исследованиях доминанты технократического подхода, включаясь в дискурс, расширяют смысловые поля рефлексии понятия, рассматривают человеческий капитал в качестве «действующей части человеческого потенциала», «способной самовозрастать и приносить ее владельцу доход». Авторы анализируют позицию понимания человеческого капитала как «формы капитализации человеческого потенциала», не соглашаясь вместе с тем и с таким узким подходом, методологически задействующим, как полагают они, принципы «ограничен-

ной рациональности», «индивидуализма» и «утилитаризма» [Чернов, Чернова, 2016. С. 54–61].

Нельзя не согласиться с критическими позициями приведенной аргументации авторов, и уместно вспомнить в этом плане оценочные суждения Л. Мамфорда. Как никогда актуально звучат следующие слова из его известной книги «Миф машины»: «Ритуал, искусство, поэзия, музыка, танец, философия, наука, миф, религия – все это является для человека столь же насущным, как и хлеб: подлинная жизнь человека состоит не только в работе, непосредственно обеспечивающей его выживание, но и в символической деятельности, наделяющей смыслом как процессы труда, так и их конечные продукты и потребление последних. “Удел человеческий (1944)”» [Мамфорд, 2001. С. 9.].

Управленческие ошибки логики редукционизма и методологических подмен в аргументации. С ключевыми противоречиями логики редукционизма проявляющейся в технократической позиции интерпретации человеческого капитала явно или неявно, в разных смысловых контекстах, сталкиваются и практики, решающие, в первую очередь, многогранные вопросы управления человеческим капиталом, и аналитики. По своему существу логика редукционизма оказывается родственной ситуации «методологического парадокса». Он может быть охарактеризован, с одной стороны, практически возникающей несоизмеримостью (смысловой несоразмерностью)⁵ функционирующих понятий и, с другой – попытками аргументатора обосновать заданный тезис исходя из позиции «мни-

⁴ В систематизированном перечне позиций роста человеческого капитала фиксируются разноплановые показатели: структуры занятости; структуры профессий; создания рабочих мест; «влияния неформальной занятости»; «предпринимательского человеческого капитала»; «практики воспроизводства человеческого капитала через переобучение на рабочих местах»; факторов «недоиспользования человеческого капитала»; «миграции талантов»; «состояния финансирования важнейших сфер воспроизводства человеческого капитала – образования, науки, здравоохранения»; «функционирования в сфере социального т. н. «превращенных форм», подменяющих компетенции, знания и умения подлогом, связью и обманом» [Гимпельсон, 2016. С. 129–143]. Многие из этих показателей, характеризующих показатели «человеческого капитала» отмечаются и в других исследованиях.

⁵ Речь идет о невозможности их научной смысловой корреляции, либо затруднительностью и необоснованностью предлагаемой в функционирующих научных текстах корреляции, требующей дополнительных уточнений, либо прояснений и коррекции исходных тезисов аргументации.

мой достоверности» и «правомерности» практик таких совмещений⁶. Подобная аналитика происходит, как правило, в форматах логики редукционизма, существенно искажающей и опрощающей картины и образы исследуемых феноменов. В нашем случае, как мы увидим далее, это касается прежде всего аналитических практик искусственного соединения в смысловой идентификации *гуманистических* и *технократических* форматов рефлексии феномена человеческого капитала (Редукция человекомерного к техническому). Образ же человека, формирующийся при таком подходе, оказывается не способным выразить ни искусственно соединенной с универсалией «капитал» понятийной сущности «человек»; ни соответствовать исходным проективным замыслам и запросам цивилизационной модернизации, способной удерживать меру человечности в общих ориентирах постиндустриальных трансформаций.

Вновь акцентируя внимание на сложности современных процессов цивилизационной модернизации в переходных состояниях общества транзитивности, обратим внимание и на тот факт, что, как справедливо отмечает в своем исследовании А. М. Старостин, на уровень глобальных взаимодействий, конфликтов и конкуренций сегодня выходят не только экономические, политические, идеологические процессы и институты, но и *«мировоззренческие образы, методологические и мыслительные процессы и стили управления»* (выделено мной – М. А.). При этом актуализируются вопросы «мировоззренческого сопровождения и мировоззренческой поддержки современных глобальных трансформаций», необходимость обращения к российскому философско-мировоззренческому опыту, приоритетно нацеленному на обоснование и подготовку «условий для смысложизненной и идентификационной рефлексии» [Старостин, 2015. С. 16];

на самосохранение вписывающихся в глобальные процессы многополярного цивилизационного мироустройства уникальных «миров малого»; мировоззренческого опыта гармонизации «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности; воссоздания цивилизационного культурно-исторического социокода и национального суверенитета России [Арутюнян, 2006].

Методологические позиции расширения смысловых значений понятия «человеческий капитал». Аргументация в исследованиях, обосновывающих необходимость видеть «неразрывную связь сущности человеческого капитала с духовностью и нравственностью», концептуально выстраивается в дискурсе человеческого капитала исходя из позиции «расширительной» трактовки понимания феномена. Констатируя возможность интерпретации человеческого капитала в его созвучии и соразмерности с духовно-нравственными ценностями общества и обосновывая его суть и назначение именно в противостоянии вышеприведенным позициям утилитарной социально-экономической функции человека исключительно как работника, Г. Е. Чернов и Е. В. Чернова выстраивают свою линию аргументации. Авторы полагают, что музыка Моцарта может характеризоваться как «музыкальный капитал», и «... если бы большинство людей понимали, что в человеческом капитале заключен еще и «музыкальный капитал», – аргументируют они, – то в обществе стало бы значительно меньше варварства, а в экономике – кризисов...» [Чернов, Чернова, 2016. С. 54–61].

Нетрудно заметить, что данная и подобные ей «расширительные» позиции в трактовке понятия оказываются демонстрацией формы проявления так называемых «миграционных процессов» в функционировании понятия. В подобных «миграциях», искусственно расширяющих сферы предметной применимости

⁶ Однако в действительности подобные практики демонстрируют нарушения законов логического мышления, правил логического вывода, соотношения и функционирования взаимодействующих научных понятий (по их объему, совместимости, объединениям, пересечениям, и. т. д.). И становятся результатом некорректного интерпретационного приема совмещения объективно различающихся по своему категориальному смысловому содержанию понятий.

понятия, узнаются и процессы «методологических подмен», «методологических превращений». В результате понятию, в данном случае «человеческий капитал», могут приписываться неаутентичные его предметному денотату смысловые значения. Понятие начинает функционировать в особых, порой непредсказуемых «превращенных формах». С особой проблематичностью и остротой это проявляется в гуманитарных сферах, ориентированных на перманентность воспроизведения, воссоздания и самосохранения целостностей «онтоса» человека и человеческой экзистенции.

Управленческая идея человеческого потенциала в дискурсе человеческого капитала также широко представлена и обсуждается в разных контекстах аргументации. Она имеет свою предысторию, историю и традицию обсуждения [Юдин, 2003. С. 1159–1160]. Изначально категориальное значение и широкое распространение данное понятие обретает в контекстах его использования в обосновании стратегий человеческого развития как главной цели и критерия общественного прогресса в программной концепции ООН (ПРООН)⁷, а также в результате выработки в ней количественного показателя – «индекса развития человеческого потенциала», или «индекса человеческого развития». Данный показатель характеризуют три его основные составляющие: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и реальный внутренний валовой продукт, приходящийся на душу населения⁸. В последующем именно данные индексы, наряду с другими показателями, становятся определяющими для характеристик и измерений

собственно человеческого капитала.

В этом плане весьма показательны проявляющиеся в дискурсах факты смешения, либо понятийного объединения и даже смыслового отождествления понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Обсуждая, к примеру, стратегию развития человеческого капитала в обстоятельном социальном проекте «Доктрина человеческого капитала Российской Федерации», авторы рассматривают её в качестве «стратегии государства в сфере развития человеческого потенциала страны и его капитализации, обеспечения гуманитарной безопасности» (выделено мной – М. А.) [Алексеев и др., 2016. С. 10–12]. При этом «интересы личности в сфере человеческого потенциала и капитала»⁹ рассматриваются авторами сопряженными «индивидуальному человеческому капиталу», который понимается и определяется как «доля конкретного работника в акционированном человеческом капитале предприятия, на котором он трудится, административной территории, где он функционирует, и страны, гражданином которой он является» [Алексеев и др. 2016. С. 10–12].

Вполне понятно, что в логике стратегий государства и доминанты государственных интересов данная позиция «капитализации человеческого потенциала» выглядит обоснованной. Однако с её категоричностью вряд ли могут согласиться многие гуманитарии. В своих особенных значениях концепции «человеческого потенциала» представлены и обосновываются в гуманитарных текстах, в историко-научных исследованиях. При рефлексии проблемных

⁷ *Человеческое развитие при этом «представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей» (United Nations Development Programme (UNDP), 1990; «Human Development Report 1990». N.Y. P.10); [Юдин, Там же].*

⁸ *При этом сами по себе эти показатели не рассматриваются в качестве определяющих при оценке человеческого потенциала. Главным в них оказывается то, насколько они используются в целях человеческого развития: «...до тех пор, пока общество не осознает, что основное его богатство – это люди, излишняя озабоченность производством материальных благ будет заслонять конечные цели обогащения жизни людей» (Программа развития Организации Объединенных наций (ПРООН), 1994; «Отчет по человеческому развитию 1994», Нью-Йорк. С. 15).*

⁹ *К ним авторы относят и реализацию свободного духовно-нравственного выбора человека, и наиболее полное раскрытие позитивных личностных качеств, и проявление талантов, способностей человека, др., наряду с гарантированностью неуклонного роста личного человеческого капитала при условии постоянного совершенствования личности и т. д. [Алексеев и др. С. 12].*

полей практик использования понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» при обращении к «целостностям» человека и миров его экзистенции, в том числе в сфере образования.

Обосновывая ведущую роль ценностей самореализации и саморазвития человека в социокультурной модернизации образования и общества, А. Г. Асмолов и М. С. Гусельцева в своем исследовании «Генерирование возможностей: от человеческого капитала – к человеческому потенциалу» очень обоснованно и не менее категорично ставят вопрос о необходимости смены «методологической оптики» в социокультурной модернизации образования. И связывают её с переходом аналитической оптики «от политико-экономического детерминизма к приоритетности культурно-психологических факторов», по существу – к оптике «антропологической». В этом плане «парадигма человеческого потенциала, по мнению авторов, отличается от парадигмы человеческого капитала приоритетом гуманистических установок над утилитарными прагматическими...» и обоснованно полагают, соглашаясь с другими участниками дискурса, что «прорывная методология человеческого потенциала требует ментального переоснащения прежде всего управленческой элиты» [Асмолов, Гусельцева, 2019. С. 7–8].

Можно и далее продолжать демонстрацию (во многом, как мы видим сходных и дополняющих друг друга) аргументативных позиций рефлексии феномена «человеческий капитал». Однако в заключении работы и в качестве основных её выводов приведем ряд доводов философской аргументации в обсуждении этой сложной темы.

Основные выводы

Философско-методологические акценты рефлексии человеческого капитала. Одним из серьезных рисков нарушения методологической установки целостности в концептуальном и практическом дискурсе человеческого капитала, как мы видели, становится использующаяся в рефлексии понятия позитивистская позиция методологической редукции. По

существо, это позиция «опрощения» явного либо неявного сведения «сложного», «сущего» «онтоса» к «простому», «фрагментарному», «элементарному», «цельного» к одной из возможных форм его проявления – к «опрощенному» «своему-иному». В данном случае – редукция «сущего человека» – к «капиталу». В дискурсе человеческого капитала представлены, как мы видели, разные трактовки этой общей методологической установки, разные демонстрации её апологетики, либо критической оценки.

При этом общим основанием дискурса в данном обсуждении является демонстрация разных проявлений важнейшей грани «сущего» человека – его деятельностной природы. В формате производственной деятельности эта грань изначально абстрагируется от системной целостности онтоса человека, (целостности его телесной, социальной и ментальной, душевно-духовной природы) и затем возводится в абсолют до доминантного восприятия человека именно как производителя, ценного трудового ресурса. С данной ментальной установкой, как было показано в работе, может быть связана и такая методологическая уловка, как неоправданная «экспансия понятия», его необоснованная «миграция» в иные предметные сферы познания и практики функционирования. Мигрирующее понятие попадает в стихию «языковых игр» (Л. Виттгенштейн) и его функционирование может сопровождаться существенной трансформацией исходно заданных в предметности науки, смысловых значений, подвергаться влияниям функциональных назначений и зависимостей новояза. В подобных условиях языковой стихии и возможных отклонений от перманентности научной рефлексии, исходное, появившееся в научной сфере понятие, может трансформироваться в новоязе (с его собственными, в том числе несопадающими с научной ценностью ориентирами словообразования) и обрести статус оксюморона. По-видимому, и сквозь данную методологическую призму возможно по-своему прояснить сложившуюся и отраженную в методологи-

ческом дискурсе, драматургию понятия «человеческий капитал».

Мигрируя и ментально вписавшись в ёмкую языковую структуру актуального общественного сознания, как «дома бытия» (М. Хайдеггер), понятие «человеческий капитал» проросло свою колыбель сферы экономики, расширив заданные границы изначального предметного функционирования. И в качестве влиятельного элемента «новояза» обрело статус обобщенного, цивилизационно признанного понятийного конструкта с возложенными на него перспективными модернизационными цивилизационными надеждами.

По существу же, при посредстве функционирования данного понятия осуществилась виртуальная трансформация социальной составляющей онтоса человека. В своеобразной ментальной «сборке» обновленного социально и экономически выверенного образа человека оказался «управленчески задан» инновационно и цивилизационно значимый его денотат. Доминантно он характеризует человека в качестве цивилизационного субъекта, способного и готового выстраивать свои жизненные стратегии на пути самореализации в качестве творчески-активной, созидательно-успешной и социально-значимой личности. В качестве субъекта, подготовленного к самообучению и осуществлению себя в плодотворной, многомерной инновационной производственной деятельности. Соответственно, именно наука, образование, культура становятся в данной модели максимально ценными факторами как социализации личности, так и стратегий общего цивилизационного развития.

Нельзя не заметить, что в понятийной связке «человеческий капитал», доминантное смысловое значение обретает именно составляющая «капитал». А человек, как мы видим, равно как и наука, образование, культура по факту воспринимаются и признаются прежде всего выполняющими своё основное функциональное назначение – быть ресурсной базой непрерывного роста капитала. Становясь таким образом своеобразными «превращенными формами»,

они («человек», «образование», «культура») обретают свойство угасать в собственной аутентичной связи и цельности, утрачивая системное единство и онтологическое экзистенциальное качество. Онтологическая целостность «семейного родства» понятий (Л. Виттгенштейн) «человек» – «мировоззрение» – «образование» – «культура», выражающая это единство, при таком подходе разрушается [Арутюнян, 2006]. А функционирующие «разрывы» и экзистенциальные «превращения» этой целостности в свою очередь не могут стать основанием для понимания и дальнейшего прояснения самой сущности феномена «человеческий капитал».

Понятие «человеческий капитал», на мой взгляд, несомненно имеет свое цивилизационно значимое смысловое значение и научное содержание, однако лишь в изначально заданной ему экономической сфере функционирования и сопряженных ей предметных областях. В них данное понятие задает свои смыслы и может быть раскрыто в качестве важнейшего инновационного ресурса постиндустриальной экономики. Вместе с тем складывающиеся практики «расширительной» трактовки использования понятия не могут не снижать его научного потенциала, и ставят множество проблемных вопросов, о чем свидетельствует сложившийся актуальный дискурс человеческого капитала.

Таким образом, принципиально значимой для функционирования понятия «человеческий капитал» и дальнейшего хода его междисциплинарного дискурса представляется выработка общей исходной концептуальной управленческой позиции в уточнении и определении его предметной сферы и категориальных смысловых значений. То же, в каком понятийном статусе действительно заявляет себя ментальный конструкт «человеческий капитал» – научного понятия, метафоры, или оксюморона; и существуют ли экзистенциальные риски естественного прорастания метафоры «человеческий капитал» образами и атрибутикой «служебного человека»? На сегодня эти вопросы во многом остаются открытыми.

Список источников:

1. Алексеев Ю. В., Белокур В. М., Белокур Д. В., Плаксин В. А., Семенец Н. В. Доктрина человеческого капитала Российской Федерации // Человеческий капитал. 2016. № 9 (93). Т. 2. С. 10–33.
2. Антоненко В. В., Антонов Г. В. Инвестиции в человеческий капитал российской молодежи: кому выгодно? // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 3. С. 96–110.
3. Арутюнян М. П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ. Монография. Хабаровск: КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016.
4. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Генерирование возможностей: от человеческого капитала – к человеческому потенциалу // Образовательная политика. 2019. № 4 (80). С. 6–16.
5. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация: пер. с англ. Науч. ред. и предисл. А.И. Фурсова. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2018.
6. Веряскина В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Экономика и социальное знания ФН. 2012. № 6. С. 7–21.
7. Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
8. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31.
9. Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Terra Economicus. 2021. № 19 (1). С. 124–137.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
11. Киященко А. П. Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография. СПб: Издательский дом «Миръ», 2009. С. 137–169.
12. Латов Ю. В., Тихонова Н. Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. № 19 (2). С. 6–27.
13. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. М.: Логос, 2001.
14. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и его развитие в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5–20.
15. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.
16. Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2021.
17. Синицкая Н. Я. Развитие теории человеческого капитала: научный обзор // Научное обозрение. Экономические науки. 2016. № 2. С. 182–190.
18. Старостин А. М. Мировоззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 16–22.
19. Степин В. С. Цивилизационного развития типы // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 1144–1146.
20. Цуркан Д. А., Евстефиева Е. А. Риск-факторы потери человеческого капитала в цифровом мире // Вестник ТвГУ «Философия». 2020. № 1 (51). С. 173–179.
21. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1999.
22. Чернов Г. Е., Чернова Е. В. Человеческий капитал как определяющий вектор развития экономики в XXI веке // Общество: политика, экономика, право. 2016. С. 54–61.
23. Юдин Б. Г. Человеческий потенциал // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО

Изд-во «Радуга», 2003. С. 1159–1160.

References:

1. Alekseev Yu. V., Belokur V. M., Belokur D. V., Plaksin V. A., Semenets N. V. (2016) The doctrine of human capital of the Russian Federation *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital]. No. 9 (93). Vol. 2: 10–33. (In Russ.)
2. Antonenko V. V., Antonov G. V. (2016) Investments in the human capital of Russian youth: who benefits? *Ekonomicheskiiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and practice]. No. 3: 96–110. (In Russ.)
3. Arutyunyan M. P. (2016) Fenomen mirovozzreniya: istoriko-filosofsko-metodologicheskiiy analiz [The phenomenon of worldview: historical, philosophical and methodological analysis]. Monograph. Khabarovsk: KGBNUK Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. (In Russ.)
4. Asmolov A. G., Guseltseva M. S. (2019) Generating opportunities: from human capital to human potential *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy]. No. 4 (80): 6–16. (In Russ.)
5. Wallerstein I. (2018) *Istoricheskiy kapitalizm* [Historical capitalism]. Capitalist civilization: trans. from English. Scientific ed. and preface by A.I. Fursova. 2nd Ed., ispr. M.: URSS: LENAND. (In Russ.)
6. Veryaskina V. P. (2012) Human capital development management: management models and practices *Ekonomika i sotsial'nyye znaniya FN* [Economics and Social Knowledge FN]. No. 6: 7–21. (In Russ.)
7. Gimpelson V. E. (2016) Does the Russian economy need human capital? Ten doubts *Ekonomicheskiye voprosy* [Economic issues]. No. 10: 129–143. (In Russ.)
8. Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapelyushnikov R. I. (2020) Non-cognitive components of human capital: what the Russian data say *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 11: 5–31. (In Russ.)
9. Karavai A. V. The state of human capital of Russian professionals *Terra Ekonomikus* [Terra Economicus]. 2021. No. 19 (1): 124–137. (In Russ.)
10. Castels M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and culture] / Translated from English. Under the scientific editorship of O. I. Shkaratan. M.: Higher School of Economics. (In Russ.)
11. Kiyashenko L. P. (2009) *Postnonclassical philosophy – the experience of transdisciplinarity // Postnonclassics: Philosophy, Science, culture: A collective monograph*. St. Petersburg: Publishing House “Mir”: 137–169. (In Russ.)
12. Latov Yu. V., Tikhonova N. E. (2021) New society – new resource – new class? (To the 60th anniversary of the theory of human capital) *Terra Ekonomikus* [Terra Economicus]. No. 19 (2): 6–27. (In Russ.)
13. Mumford L. (2001) *Mif o mashine. Tekhnologii i razvitiye chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technology and the development of mankind] / Translated from English M.: Logos. (In Russ.)
14. Nureyev R. M. (2009) Human capital and its development in modern Russia *Sotsial'nyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. № 4: 5–20. (In Russ.)
15. Pechchei A. (1980) *Chelovecheskiye kachestva* [Human qualities]. M. (In Russ.)
16. Rand A. (2021) *Kapitalizm: neznakomyy ideal* [Capitalism: An Unfamiliar ideal] / Translated from English. M.: Alpina Publisher. (In Russ.)
17. Sinitskaya N. Ya. (2016) Development of the theory of human capital: a scientific review *Nauchnyy obzor. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific review. Economic sciences]. No. 2: 182–190. (In Russ.)
18. Starostin A. M. (2015) Ideological experience in the system of social practice: civilizational context *Obshchestvo i vlast'* [Society and power]. No. 6 (56): 16–22. (In Russ.)
19. Stepin V. S. (2003) Types of civilizational development *Globalistika: Entsiklopediya Globalistics: Encyclopedia* / Ch. ed. I.I. Mazur, AN. Chumakov. Center for Scientific and

---

Applied Programs “Dialogue”. Moscow: OAO Raduga Publishing House: 1144–1146.

20. Tsurkan D. A., Evstefieva E. A. (2020) Risk factors of loss of human capital in the digital world *Vestnik TvGU “Filosofiya”* [Bulletin of TvSU “Philosophy”]. No. 1 (51): 173–179. (In Russ.)

21. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda [Human potential: the experience of an integrated approach] / Edited by I.T. Frolov. M. 1999. (In Russ.)

22. Chernov G. E., Chernova E. V. (2016) Human capital as a determining vector of economic development in the XXI century *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]: 54–61. (In Russ.)

23. Yudin B. G. (2003) Human potential // *Globalistics: Encyclopedia* / Gl. ed. I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Center for Scientific and Applied Programs “Dialogue”. Moscow: Raduga Publishing House: 1159–1160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 02.09.2022.

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 02.09.2022.

Информация об авторе

М. П. Арутюнян – доктор философских наук, профессор кафедры психологии Педагогического института Тихоокеанского государственного университета

Information about the author

M. P. Arutyunian – Doctor of Philosophy, Professor, the psychology chair, the Pedagogical institute of the Pacific National University